

# Коренное население Западного Кавказа. Адыги во второй половине I тысячелетия н.э.

Александр Вильямович Гадло

«Предыстория приазовской Руси» очерки



Концепция исторического развития адыгской общности в течение второй половины I тыс. н. э., т. е. в начальный период раннего средневековья, была впервые разработана в середине 50-х годов ушедшего столетия Л.И. Лавровым и с тех пор практически не пересматривалась.<sup>1</sup> Материалы, собранные Л.И. Лавровым, и выводы, сделанные им на основании их изучения, вошли в статьи и монографии (в том числе изданные в самые последние годы), посвященные этнической истории адыгских народов — адыгейцев, кабардинцев, черкесов, абазин;<sup>2</sup> в общие очерки истории населенных адыгами северокавказских республик;<sup>3</sup> в академическую историю народов Северного Кавказа.<sup>4</sup> Мы предлагаем читателям попытку нового прочтения начального периода раннесредневековой истории адыгов, базирующуюся не только на материалах (источниках), которые были известны Л.И. Лаврову, и разработанной им концепции, но и на материалах, которыми в 50-х годах Л.И. Лавров располагать не мог.

Письменные источники сохранили исключительно мало сведений о внутренней жизни адыгской общности. Памятники археологии, которые могли бы дополнить данные письменных источников, на коренной территории адыгов изучены до сих пор относительно слабо. Правда, проведенные в послевоенные десятилетия на Северо-Западном Кавказе археологические исследования (работы Е.П. Алексеевой, Н.В. Анфимова, Ю.Н. Воронова, П.А. Дитлера, А.В. Дмитриева, А.А. Иерусалимской, В.Б. Ковалевской (Деопик), Н.Г. Ловпаче, М.Н. Ложкина, А.Л. Монгайта, Л.М. Носковой, С.А. Плетневой, Б.А. Рыбакова, М.К. Тешева и др.) во много раз увеличили тот информативный фонд, которым располагала наука в начале 50-х годов, однако и они все еще не позволяют выйти за пределы обобщенной характеристики адыгской материальной культуры и общественного устройства на раннем этапе средневековья.<sup>5</sup>

История развития хозяйства и социальной организации адыгов во второй поло-

вине I тыс. сегодня может быть реконструирована только в общих чертах. Об интенсивном заселении коренной адыгской территории на протяжении всей второй половины I тыс. свидетельствуют многочисленные городища, селища и могильники, обнаруженные как на побережье, так и в равнинно-предгорной части Закубанья. Адыги, жившие на побережье, как правило, селились в неукрепленных поселках, располагавшихся на возвышенных плато и горных склонах вдали от берега в верховьях впадавших в море речек и ручьев. Возникшие в античный период на морском берегу поселки-торжища в раннесредневековую эпоху не утратили своего значения, а некоторые из них даже превратились в защищенные крепостями города (например, Никопсис в устье р. Нечепсухо в районе с. Ново-Михайловского). Адыги, жившие в Закубанье, как правило, селились на возвышенных мысах, нависавших над пойменной долиной, в устьях впадающих в Кубань с юга рек или в устьях их притоков. До начала VIII в. здесь преобладали укрепленные поселения, состоявшие из огражденного рвом городища-цитадели и примыкавшего к нему посада, иногда также огражденного с напольной стороны рвом. Большинство из этих поселений располагалось на местах старых меотских городищ, покинутых в III или IV в. (например, у хут. Красный, у аулов Гатлукай, Тахтамукай, Ново-Вочепший, у хут. Ястребовский, у пос. Красный и др.). В начале VIII в. прикубанские адыги тоже начинают селиться в неукрепленных открытых поселениях, подобных поселениям адыгов побережья. В это время некоторые группы переходят с левобережья на правый берег Кубани и селятся вблизи от оседавших на землю кочевников-булгар.

Как и в более позднее время, основным типом жилища на адыгских поселениях V—X вв. были легкие постройки, возводившиеся из плетеной лозы или камыша, которые обмазывались глиной, смешанной с рубленой соломой и кизяком. Отапливались они при помощи заглубленных в земляной пол открытых очагов, обложенных по сторонам камнями. Над очагами, как и в более поздних адыгских жилищах, по-видимому, устраивались обмазанные глиной плетеные раструбы-дымари, через которые удалялся дым. Рядом с жилищами, также из плетня, возводились хозяйственные постройки. В дельте Кубани жилища и хозяйственные постройки чаще всего строились из самана, на каменном основании. Для отопления и приготовления пищи здесь, как и в античный период, устраивали очаги-печи, имевшие вид прямоугольного ящика, встроенного в угол или пристроенного к одной из стен жилища. Такие печи делались обычно из поставленных на ребро плоских плит или саманных кирпичей, на которые укладывалась толстая саманная плита-перекрытие, имевшая отверстие для выхода дыма. Для того чтобы эта плита держалась, в центре очага ставили камень, подпиравший ее. Такие же печи бытовали в период раннего средневековья и на крымской стороне Керченского пролива.

Материалы, полученные при исследовании адыгских поселений и могильников второй половины I тыс., характеризуют адыгов как оседлых земледельцев, не утративших идущих с меотских времен навыков плужного земледелия. Основными земледельческими культурами, которые возделывали адыги, были мягкая пшеница, ячмень, просо, рожь, овес, из технических культур — конопля и, возможно, лен. Многочисленные зерновые ямы — хранилища раннесредневековой

эпохи — прорезают толщи ранних культурных напластований на городищах Прикубанья, а крупные красноглиняные пифосы — сосуды, предназначенные главным образом для хранения зерна, составляют основной вид керамических изделий, бытовавших на поселениях Черноморского побережья. Почти на всех поселениях встречаются обломки круглых ротационных жерновов или целые жерновые камни, служившие для дробления и размола зерна. Найдены обломки каменных ступ-крупорешек и пестов-толкачей. Известны находки серпов (Сопино, Дюрсо), которые могли использоваться как для жатвы зерновых, так и для косьбы кормовых трав для скота.<sup>6</sup>

Продукция земледельческого хозяйства не только удовлетворяла собственные потребности региона, но и шла на вывоз. Изготавливавшиеся из местных сортов конопли или льна полотна доставлялись на рынки Трапезунда, а оттуда развозились по странам халифата, где пользовались высоким спросом.<sup>7</sup> Можно думать, что дань, которую адыги выплачивали Хазарскому каганату, а затем князьям Тмутороканя, в значительной своей части состояла из продуктов местного земледелия. Вряд ли случайно в известном летописном рассказе о поединке тмутороканского князя Мстислава Владимировича и предводителя касогов (т.е. адыгов) Редеди «земля» и «дань» (в значении «подать») оказываются равнозначными понятиями.<sup>8</sup>

Несомненно, видную роль в хозяйстве адыгов играло также скотоводство. Адыги разводили крупный рогатый скот, овец, коз, свиней. Неоднократно найденные в могильниках этой эпохи захоронения боевых коней или деталей конского снаряжения свидетельствуют о том, что коневодство представляло важнейшую отрасль их экономики. С большой долей вероятности можно предполагать, что к концу I тыс. скотоводство уже приобрело устойчивый отгонный характер, и на территории Северо-Западного Кавказа определились главные скотопрогонные пути — летом скот пасли на горных пастбищах в верховьях рек, а зимой его стогнали на равнину поближе к поймам Кубани и в устья ее притоков. Об использовании под пастбища островов южной части Кубанской дельты сохранилось прямое свидетельство Константина Багрянородного.<sup>9</sup> Борьба за стада крупного рогатого скота, табуны коней и тучные равнинные пастбища является постоянным мотивом героических деяний в адыгском фольклоре. Разумеется, ведущее направление экономики отдельных территориальных групп могло быть различно, однако в основе ее везде лежал земледельческо-скотоводческий комплекс, представлявший сочетание плужного земледелия с экстенсивным скотоводством.

Район дельты (Тамань) и прилегающая к нему с юга область не утратили в течение всего раннесредневекового периода древних античных традиций виноградарства и садоводства. Об этом свидетельствует описание этого края, составленное на основании более ранних свидетельств в середине XII в. сицилийским географом ал-Идриси.<sup>10</sup>

В Прикубанье и на Черноморском побережье значительную роль в экономике играло рыболовство. Рыбные богатства северо-восточной части Черноморья были хорошо известны и в VII—X вв., даже вся область Прикубанья в столице Ви-

зантийской империи Константинополе определялась по тем видам рыбы, которые доставлялись отсюда, — мурзулион, ксисстон, верзитикон.<sup>11</sup> Остатки рыболовных снастей (крючки, грузила) при исследовании археологических памятников встречались неоднократно. Уходящие своими корнями в меотский период навыки обработки и заготовки рыбы впрок, надо думать, не были забыты адыгами и во второй половине I тыс.

С развитием производящих форм хозяйства (земледелие, скотоводство) роль охоты как одной из жизнеобеспечивающих отраслей обычно падает. Однако, судя по обилию в раннесредневековых могильниках Прикубанья таких видов оружия, которые могли использоваться в качестве орудий охоты (копья-рогатины, дротики, стрелы, боевые топоры, кинжалы, ножи), значение охотничьего промысла в экономике адыгских общин не следует преуменьшать. Горные леса и альпийские луга высокогорья, лесные и камышевые заросли пойм и дельты, необжитые и невозделанные пространства закубанской степи предоставляли исключительные возможности для охоты на оленей, туров, кабанов, пернатую дичь. Вряд ли случайно одним из наиболее устойчивых адыгских культов вплоть до XIX в. был культ покровителя охоты Мэзытхьэ.

Исследование прикубанских и причерноморских могильников дает представление о развитии у адыгов различных видов производств, прямо не связанных с обработкой сельскохозяйственной продукции. Среди них в первую очередь должно быть отмечено кузнечное дело. Адыгские кузнецы в эпоху раннего средневековья, по-видимому, еще не порвали своей связи с общиной и не выделились из нее, однако внутри общины они уже составляли обособленную профессиональную группу, находившуюся под покровительством особых божеств, имена которых сохранились в адыгейской версии Нартского эпоса — Тлепша и Дабеча. Кузнечное производство в этот период было ориентировано в основном на удовлетворение хозяйственных нужд общины (лемехи, косы, серпы, топоры, ножи, надочажные цепи, вертела, овечьи ножницы и т. п.) и ее военной организации (конское снаряжение — удила, стремяна, подковы, подпружные пряжки; наступательное оружие — копья, боевые топоры, мечи, кинжалы, наконечники стрел; защитное вооружение — шлемы, кольчуги, детали щитов и т.п.). Какова была сырьевая база этого производства, определить пока что трудно, но, не исключая наличия собственной выплавки металла из местных руд, укажем на два железорудных района, откуда металлургическое сырье (полуфабрикаты-крицы) могло поступать и кузнецам-адыгам. Это, во-первых, Керченский полуостров и, во-вторых, верховья Кубани, Зеленчуков и Урупа, где обнаружены явные следы древней сыродутной выплавки железа.<sup>12</sup> Технологическая сложность и высокое качество некоторых железных изделий, найденных в могильниках второй половины I тыс., дают основание предполагать, что в эту эпоху из массы кузнецов-универсалов, обычно работавших только на свою общину, уже начинают выделяться кузнецы-специалисты (оружейники, бронники и т.п.), переходившие к обслуживанию группы общин и работе не только на заказ, но и на рынок.

Тот же процесс постепенной переориентации производства от обслуживания нужд узкой территориальной общности к удовлетворению потребностей широ-

кого регионального рынка, по-видимому, переживало в эту эпоху также и ювелирное дело, основанное на обработке цветных металлов. В одежду адыгов входил целый ряд металлических деталей, служивших как для скрепления ее частей, так и в качестве украшений-оберегов (застежки-фибулы, пряжки, гривны, серьги, браслеты, бляшки-апликации и т.д.). Как правило, они изготавливались в соответствии с общей модой, распространявшейся по евразийским степям из крупных византийских и среднеазиатско-иранских ремесленных центров. Адыгские ювелиры владели навыками литья цветных металлов, паяния, штамповки, изготовления проволоки, гравировки и др. В отличие от кузнечного дела их производство не требовало громоздкого оснащения и больших, труднотранспортируемых запасов сырья. Как показало погребение ювелира в могильнике на р. Дюрсо, металлурги-ювелиры в качестве сырья могли использовать не только полученные из руды слитки, но и металлический лом.<sup>13</sup> Вместе со своим инструментарием и сырьем они свободно передвигались от селения к селению, все более отрываясь от своей общины и превращаясь в ремесленников-отходников.

В течение второй половины I тыс. происходят изменения также и в гончарном производстве. Несмотря на то, что лепная посуда домашней выделки до конца этого периода не исчезает из обращения, все больше сосудов повседневного обихода производится гончарами-профессионалами, использующими гончарный круг и специальные печи для обжига керамики. В адыгской керамике V—VII вв. можно обнаружить некоторые характерные черты, свойственные керамике салтово-маяцкой археологической культуры, распространившейся в VIII—X вв. по всему восточно-европейскому Юго-Востоку. Это связано с тем, что оседание кочевников северокавказской степи, вызванное образованием Хазарского каганата, началось прежде всего в низовьях Кубани, где переходившие к оседлости группы хазаро-булгар испытывали влияние более высокой земледельческо-скотоводческой адыгской культуры. Именно в этот период вырабатываются почти все характерные для адыгской культуры более позднего времени формы тарной (пифосообразные сосуды) и «столовой» керамики. Тамань и прилегающие к ней районы с конца VII в. становятся одним из важнейших центров гончарного производства, откуда идет вывоз керамики во все провинции Хазарского каганата. Здесь, наряду с заимствованной из Византии амфорообразной формой тарных сосудов, начинают производить специфическую, выработанную на месте форму — высокие веретенообразные, смоленые внутри кувшины, предназначенные для транспортировки жидких и сыпучих продуктов. Помимо вина, масла и жиров, в амфорах и кувшинах с Тамани вывозилась также нефть, которая широко расходилась по степи, где использовалась как лечебное средство в скотоводческом хозяйстве.<sup>14</sup> Можно думать, что нефть из прилежащих к Тамани предгорий вывозилась также и в Византию. О месторождениях нефти подробно сообщает Константин Багрянородный, который, по-видимому, специально интересовался ее качеством и способами добычи.<sup>15</sup> Нефть византийцы применяли в составе особой зажигательной смеси, «греческого огня», которую использовали при ведении военных действий.

Дельта Кубани издревле служила главными воротами в страну адыгов. В V—VI

вв. здесь еще продолжалась жизнь на месте древних античных городов, ставших теперь наибольшими торжищами-эмпориями, через которые осуществлялась связь Византии с кочевыми объединениями северокавказской степи и коренным оседлым населением предгорий. Наибольшее значение из них имела Фанагория, где в начале VI в. была даже самостоятельная епископская кафедра, подчиненная непосредственно константинопольскому патриархату. В конце VII в. Фанагория стала центром хазарской администрации, под контролем которой находились юго-западные владения каганата. Однако на рубеже IX—X вв. эта роль перешла к поселению, расположенному на месте античной Гермонассы, которое в период владычества на берегах Керченского пролива хазар получило новое, тюркское наименование Тумен-тархан. Через возникшие под защитой крепости рынок и порт осуществлялся экспорт местной продукции (зерно, скот и продукция скотоводства, рыба, нефть, полотно) в страны Средиземноморья и импорт на Северный Кавказ средиземноморской сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий (вино, оливковое масло, дорогие ткани, оружие, предметы роскоши). Здесь начинался знаменитый Хазарский путь, который через Азовское море, Дон и волок, существовавший между Доном и Волгой в месте их сближения, выводил торговые караваны к Каспию, от берегов которого шли пути в дальние восточные страны — Индию и Китай, и сюда сходились водные дороги, по которым в Византию и на арабский Восток славянские, скандинавские и хазарские купцы вывозили из далеких северных стран меха и невольников.<sup>16</sup>

Рынок и порт, несомненно, притягивали к себе ремесленников и стимулировали развитие специализации и технологического совершенствования различных ремесел.<sup>17</sup> Интенсивный рост торговой и торгово-посреднической деятельности населения Кубанской дельты, отмечаемый источниками на протяжении всей второй половины I тыс., не мог не отразиться на экономике и социальном быте прикубанских и причерноморских адыгских общин. Наряду с категорией лиц, преимущественно занятых ремесленно-промысловой деятельностью, внутри адыгской общности постепенно формируется категория лиц, преимущественно занятых торговлей и посредническими операциями. Адыгские купцы были хорошо известны в Трапезунде на южном берегу Черного моря — главном перевалочном пункте на пути из Прикубанья на Ближний Восток, где даже город, выросший под защитой хазарской крепости Тумен-тархан, стали называть Касак (Kasog), т.е. тем именем, под которым в странах Востока была известна вся адыгская общность.<sup>18</sup>

Помимо района дельты для экономического и социального развития адыгов важное значение имели также дороги, ведущие по ущельям Верхней Кубани, Теберды, Большого и Малого Зеленчуков, Лабы из Предкавказья через перевалы Большого Кавказского хребта к черноморскому побережью Абхазии. Они составляли часть проложенного в VI в. согдийскими купцами «Великого шелкового пути», который начинался в Северном Китае и заканчивался в Константинополе. Несмотря на то, что на рубеже VII—VIII вв. весь северокавказский отрезок этого пути оказался под контролем Хазарского каганата, горные общины, через

земли которых проходил «шелковый путь», несомненно вступали в тесное общение с двигавшимися по нему караванами. Ярким подтверждением этому могут служить материалы могильника Мощевая балка на Большой Лабе (окрестности пос. Курджиново). В нем сохранились фрагменты дорогих шелковых тканей, вытканых в Китае, Иране, Согде (Средняя Азия) и на Ближнем Востоке.<sup>19</sup>

Кусками драгоценного шелка владельцы караванов расплачивались за право прохода через земли горных общин, за охрану их в пути, за проводников, за предоставление им ночлега и крова, пищи и вьючных животных. Близость к транскавказским караванным путям способствовала развитию меновой торговли, в отдельных общинах вела к накоплению в руках общинной аристократии и предводителей общинных дружин различного рода материальных ценностей, тем самым все больше и больше подтачивая основы древней межобщинной и внутриобщинной демократии, социального и имущественного равенства.

На основании приведенных фактов, разумеется, было бы неверным полагать, что в течение второй половины I тыс. товарные отношения внутри адыгской общности достигли высокой степени развития и равномерно охватили всю заселенную ею территорию. Однако имеются веские основания считать, что у тех групп адыгов, которые обитали в низовье Кубани и ближайшем к дельте районе Черноморского побережья, развитие товарных отношений достигло такой стадии, когда остро стала ощущаться потребность во внутреннем денежном обращении. До конца VII в. эта потребность в основном удовлетворялась за счет сохранившихся монет, чеканенных в IV в. последними правителями Боспора (материалы могильника Дюрсо, городища у хут. Ильичевка на Тамани).<sup>20</sup> К концу VII в. количество этих монет, вероятно, настолько уменьшилось, а их стоимость настолько упала, что принимавшие участие в торговых операциях группы вынуждены были полностью перейти к использованию монет византийской чеканки и подражаний им, которые имели хождение в VIII—IX вв. в границах Хазарского каганата.<sup>21</sup>

В конце X в. в связи с изменением политической и экономической ситуации на Северном Кавказе и в Причерноморье, которое было следствием падения каганата, значение внутренней торговли на территории расселения адыгов, видимо, поднялось уже до такого уровня, что на повестку дня встала проблема создания местной, рассчитанной главным образом на внутренний рынок денежной системы. Центром чеканки местной монеты стала, как можно судить по концентрации находок, Таматарха — Тмуторокань, а за образец были взяты имевшие широкое хождение в Византии и торговавших с нею странах в конце X в. милиарсии Иоанна Цимисхия (969—976 гг.), при котором, вероятнее всего, и началась местная чеканка, и сменивших его на византийском престоле Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.). Вначале местные монеты чеканили из серебра, затем, очевидно, по мере возрастания потребности в их количестве и уменьшения запасов серебра, стали чеканить из биллона (смесь серебра и меди), а в дальнейшем полностью перешли на медь. Очень существенно, что, несмотря на то, что за образец монеты была взята византийская денежная единица, ее весовой номинал не соответствовал византийскому образцу и, следова-

тельно, был рассчитан на не зависимую прямо от империи сферу обращения.<sup>22</sup> Социальная структура адыгского общества второй половины I тыс. нам мало известна, хотя, судя по материалам могильников, можно предполагать, что на протяжении всего этого периода ее основной ячейкой оставалась территориальная община, представлявшая одну из стадий формирования позднесредневековой адыгской общины — селения (кьуаджэ).<sup>23</sup> На основании упоминания Константином Багрянородным одного адыгского селения, которое носило имя его основателя — прародителя общины, можно сделать вывод о том, что некоторые из этих общин возникли непосредственно из древних родовых объединений и стойко сохраняли представление о кровном родстве составлявших их семейных (патронимических) единиц.<sup>24</sup>

В общинных могильниках V—VII вв. (Агойский, Борисовский, Пашковский, Дюрсо, Сопино) еще не удается проследить резкого имущественного и социального неравенства погребенных. Мужские погребения в них, как правило, содержат более или менее полный набор вооружения, характерного для пешего воина или воина-всадника (обоюдоострые кинжалы, мечи, копья, топоры-секиры, ножи, стрелы), занимавшего в общинном войске положение, соответствующее его возрастной группе, а женские погребения — набор украшений, относительно равномерно распределявшихся внутри всей общины при поступлении в нее военной добычи или при ведении ею активных торгово-обменных операций.<sup>25</sup>

Те же в общем признаки неразложившейся имущественно и социально общины прослеживаются и на материалах могильников VIII—IX вв., исследованных на коренной адыгской территории (погребения поздней группы в Борисовском могильнике и в могильнике Дюрсо, первой группы в Казазовском могильнике, в могильнике Мощевая балка и др.). Однако в них уже могут быть выделены отдельные погребения, содержащие значительно более разнообразный и богатый инвентарь (например, дорогой защитный доспех, одежда, сшитая из драгоценной шелковой ткани, высокохудожественные предметы личного снаряжения воина и снаряжения боевого коня) по сравнению с погребениями, представляющими для данного могильника наиболее характерный, эталонный комплекс.<sup>26</sup>

По-видимому, на рубеже VII—VIII вв.

верхи внутриобщинной социальной иерархии — главы аристократических родов, предводители общинного войска, старейшины и общинная администрация — настолько усилились, что встали на путь открытого противопоставления своих сословных преимуществ уравнилельно-демократическим традициям всего остального коллектива членов общины. Мы вряд ли ошибемся, если сообщение ал-Масуди о том, что адыги «одеваются в белое, в румскую парчу, в яркую ткань («сиклатун») и в различные парчевые ткани, затканые золотом», отнесем не ко всем социальным группам адыгов, а только к тем из них, которые в его эпоху — первая половина X в. — консолидировались в господствующее сословие, если еще и не полностью оторвавшееся от породившей их общины, то во всяком случае уже выделившееся из нее и поднявшееся над ней.<sup>27</sup>



К началу VI в. на территории Северо-Западного Кавказа, заселенной адыгами, сложилось три политических объединения, представлявших независимые конфедерации (союзы) отдельных общин и племен.

Черноморское побережье от р. Шахе (древнее название — Ахеунт) и приблизительно до южной границы современного Анапского района занимала Зихская (Зихийская) конфедерация (зихи). Она включала в свой состав собственно зихскую племенную общность, исконной территорией которой был участок побережья между р. Шахе и современным Туапсе, общность ахеев — древних обитателей побережья между современными Туапсе и Геленджиком, и общность эвдусиан, занимавших, по данным конца V в. (Псевдо-Арриан), побережье между современными Геленджиком и Анапой. На юге Зихская конфедерация граничила с родственной адыгам абазоязычной общностью санигов, которые к началу VI в. были инкорпорированы (по Л.И. Лаврову) также протоабазидами — абасгами.<sup>28</sup>

Юг современного Анапского района, левобережье Кубанской дельты и часть закубанской равнины, тянущейся от начала дельты на восток, занимала Сагинская конфедерация («сагины»)<sup>29</sup>. Византийские источники VIII—XII вв. называют сагинов (сагины — искаженное греческое наименование адыгской общности «шегаков» или «хегаков») «сугдами» и «согдианами» и различают «нижних», приморских сугдов, обитавших вблизи дельты на землях древней Синдики, и сугдов «верхних», живших выше дельты в степном Закубанье.<sup>30</sup> Кубань отделяла сагинов (сугдов) от кочевников — утигуров, которым принадлежала вся Приазовская низменность вплоть до Дона. В первой половине VI в. утигуры также представляли конфедерацию племен и территориальных групп. Среди них ведущее положение принадлежало кочевавшим по правобережью Кубани и вдоль степных рек Приазовской низменности булгарам. Последние образовались из осколков различных тюркоязычных племен, которые в середине IV в. в составе гуннского объединения передвинулись из степей Средней Азии и Южного Приуралья в Предкавказье и причерноморские степи.<sup>31</sup>

На северном склоне Большого Кавказа в горах и предгорьях, прорезанных потоками Кубани, сложилась Касожская конфедерация («гаш'к» — «Армянской географии» VII в., «касун» — свода грузинских хроник «Картлис цховреба», «кашак» — арабо-персидской и древнееврейской письменной традиции IX—X вв., «Касахия» — Константина Багрянородного, «касоги» — русских источников XI—XII вв.). Она соседствовала на юге, в верховьях Лабы и Зеленчуков, с абазоязычной общностью брухов, а в районе перевалов, лежащих у истоков Кубани, — со сванами. На востоке соседями касогов были «овсы» («аланы» — византийских и армянских источников), которые владели центральной частью предгорий Северного Кавказа от междуречья Урупа и Лабы до низовьев Сунжи. Соседями касогов на севере были адыгские общности, входившие в Сагинскую конфедерацию, — «верхние сугды».<sup>32</sup>

Очерченные границы адыгских конфедераций в течение VI—VII вв. не оставались неизменными. К концу VII в. Зихская конфедерация включила в свой со-

став приморских сагинов, и ее владения таким образом достигли Таманского полуострова. Касоги также продвинулись на север и, очевидно, включив в свой состав восточную часть конфедерации сагинов, вышли к Северной Кубани, где стали соседями кочевников — болгар. На юге они подчинили себе брухов (во всяком случае после середины VI в. имя этой общности больше в источниках не упоминается), но на востоке им пришлось отступить к Лабе и открыть для Овского (Аланского) объединения, превратившегося к середине VI в. в политически сильное и консолидированное образование, свои перевальные дороги, ведущие из Предкавказья в Сванию (Сванетию), Апсилию, Абасгию и через них к Черноморскому побережью.<sup>33</sup>

Социально-политическое развитие адыгских конфедераций в течение VI—VII вв. проходило на фоне сложной международной обстановки. Почти полтора столетия — от начала VI и до 40-х годов VII в. — на Ближнем Востоке не утихали войны между двумя крупнейшими державами раннего средневековья — Ираном и Византией. С 541 г. основным театром военных действий между ними стали области западного Закавказья, в том числе соседние с исконными землями адыгов Свания, Мисимиания, Апсилия, Абасгия и Санигия. С этого времени войска обеих держав неоднократно вторгались в горные районы, а их дипломатия прилагала значительные усилия для привлечения на свою сторону социальной верхушки горных обществ. При этом ни та, ни другая сторона не пренебрегала ни подкупом, ни лживыми обещаниями мира и помощи, ни жестокими расправами с враждебными им группировками и неугодными вождями. Немногочисленность собственных войск, направленных для ведения войны в Закавказье, и та, и другая сторона стремились покрыть за счет наемных отрядов, которые создавались из кочевников северокавказской степи, обитателей северокавказских предгорий и горцев. Одним из наиболее эффективных средств политического давления на западнокавказские племена правительства обеих империй считали распространение в их среде своих религиозно-идеологических учений: Иран — зороастризма, а Византия — христианства.

Занимавшие Черноморское побережье и владевшие перевалами адыги в этих условиях, естественно, не могли оставаться вне поля зрения враждующих государств. Прямое свидетельство об этом сохранил свод грузинских летописей, где имеется сообщение о том, что император Византии Юстиниан I (527—565 гг.) силами своего союзника картлийского царя Парсмана подавил «восстание» «народа каскун» (конфедерации касогов или более широкого объединения адыгских общин и родов).<sup>34</sup> По словам источника, Парсман не только лично возглавил карательную экспедицию, но и отправил в Византию «князей этого народа», взятых им в плен во время военных действий. Несмотря на то что свидетельство грузинского источника нуждается в коррекции, в Картли (Восточная Грузия) с 523 г. не было царя и страна управлялась ставленником Ирана, он, несомненно, сообщает о событии, которое могло иметь место в действительности. В 549—550 гг. Византия с помощью союзной ей тогда Лазики (Западная Грузия), где скрывались представители картлийской царской династии Хосровианов, изгнанной из Тбилиси, учинила жесткую расправу над абасгами, соседями ады-

гов, разорвавшими в 540 г. связи с империей и перешедшими на сторону Ирана.<sup>35</sup> Адыги («каскун»), как можно думать на основании грузинского источника, поддержали абасгов, вместе с ними приняли иранскую ориентацию и, как следствие этого, подверглись нападению лазского войска.

Готовясь к войне с Ираном на территории Закавказья и укрепляя свое влияние среди горцев Западного Кавказа, Византия еще в середине 20-х годов VI в. сделала попытку привязать к себе кочевников Приазовья. Здесь дипломатия империи сумела привлечь на свою сторону главу конфедерации утигуров, который, посетив Константинополь и приняв крещение, взял обязательство охранять от врагов империи город Боспор (современная Керчь), имевший для Византии стратегическое и торговое значение, и связанные с ним поселения-эмпории на Тамани. Однако замысел империи не удался. Кочевники восстали против главы конфедерации и разгромили Боспор, перебив находившихся там византийских чиновников и стражу. Для возвращения Боспора и соответственно для установления своего контроля над Керченским проливом Византии пришлось снаряжать специальную военную экспедицию, которой удалось прогнать утигуров в степи и укрепить влияние империи в северо-восточной части Причерноморья.<sup>36</sup>

В непосредственной связи с этими событиями следует рассматривать относящееся к 526 г. свидетельство о появлении на территории Зихской конфедерации христианской епархии. Ее центром стало приморское селение Никопсис, с которым византийская церковь попыталась связать легенду об апостольской проповеди учеников Христа в землях Восточного Причерноморья. Здесь, по церковным преданиям, находилась могила Симона Кананита, сподвижника апостола Андрея. Зихская епархия со временем выросла в крупный церковный центр, тесно связанный с епископскими кафедрами Крыма.<sup>37</sup>

Однако со своей основной задачей — обращением в христианство адыгов и усилением посредством этого влияния Византии внутри адыгских общин и племен — она, по-видимому, справлялась плохо. Христианство в адыгских землях распространялось медленно, и в церковной литературе за зихами утвердилась нелестная слава народа «жесточкого и варварского».<sup>38</sup>

Незначительны были также и политические результаты ее деятельности. Характеризуя отношение зихов к империи, Прокопий Кесарийский, один из наиболее осведомленных писателей того времени, отмечал, что, если в древности правитель страны зихов назначался римским императором, то в 30—40-е годы VI в. зихи «ни в чем уже не повиновались римлянам (т.е. Византии. — *А.Г.*)». Точно так же вне сферы влияния империи оказались в это время и сагины.<sup>39</sup>

Византия, таким образом, несмотря на все предпринятые ею усилия, не смогла подчинить себе адыгские конфедерации и направить их силы против своих врагов.

Вместе с тем вряд ли можно сомневаться в том, что адыги наряду с другими горцами Кавказа принимали участие в войнах, ведшихся в Закавказье, и совершали набеги на север на кочевья предкавказских степняков, постоянно направлявших свои отряды на помощь Византии и Ирану. Сама структура экономики и социальных отношений адыгской общности этого периода, как и любой другой

общности, стоящей на стадии военной демократии, вынуждала адыгские объединения искать внешние источники жизнеобеспечения и обогащения и постоянно напоминать соседям об искусстве своих воинов и силе своих дружин. Отсутствие у Прокопия каких-либо указаний на наличие в стране зихов единой или наследственной власти дает основание полагать, что в середине VI в. адыгские конфедерации такой власти еще не знали. Как и другие этнополитические образования, возникшие на Северном Кавказе в V — первой половине VI в., они управлялись советом старейшин, представлявших наиболее знатные родоплеменные и территориальные группы, вошедшие в конфедерацию. Упомянутые грузинским источником «князья... народа», захваченные Парсманом и отправленные им к императору, вероятнее всего, и были такими старейшинами.<sup>40</sup>

Во второй половине VII в. международное положение адыгских конфедераций заметно осложнилось. Территория степного Предкавказья, включая низовья Кубани, вошла в политическую систему Хазарского каганата, поглотившего все степные общности от Каспия до Азовского побережья. Булгарские племена, кочевавшие в Приазовской низменности и Прикубанье, вынуждены были либо уйти на запад в Подунавье, а затем переселиться на Балканы, либо влиться в состав каганата. Несмотря на то что коренным районом расселения хазарской общности были степи современной северо-восточной Калмыкии, где на берегу Волжской дельты в IX—X вв. находилась столица каганата Итиль, низовья Кубани и Таманский полуостров вскоре после завоевания стали рассматриваться как одна из важнейших провинций государства. Ей отводилась роль плацдарма для завоевания Таврики (Крыма) и политического давления на адыгские конфедерации. Последнее имело для хазар особое значение. Верхушка каганата существовала за счет даней, взимаемых с покоренных племен Северного Кавказа, и грабежа старых земледельческих областей Азербайджана и Грузии. С середины VII в., когда у хазар в Закавказье появился сильный соперник — Арабский халифат, закрывший для них Дербендский и Дарьяльский проходы, горные дороги, которыми владели адыги, превратились в важные стратегические артерии. На протяжении всего более чем столетнего периода арабо-хазарской войны (середина 50-х годов VII в. — 70-е годы VIII в.) адыгские конфедерации существовали в условиях постоянной угрозы вторжения и с севера, и с юга, что не могло не отразиться на их социально-экономическом и политическом развитии.

С 695 г. роль нижнекубанской провинции в политической системе каганата еще более возросла. Здесь на месте древней Фанагории была создана резиденция свергнутого в результате народного восстания в Константинополе и бежавшего в Хазарию византийского императора Юстиниана II (685—695 и 705—711 гг.) и его жены — сестры кагана. С этого времени дельта Кубани (Тамань) стала не только обособленной военно-административной единицей — туменом, но и центром политических интриг, ведшихся экс-императором с целью возвращения себе престола. Этот заговор, однако, не удался. Юстиниан бежал из-под стражи. С группой сторонников он смог добраться до Болгарии, где нашел поддержку хана Тервеля, и во главе болгарских войск возвратился в Константинополь.<sup>41</sup> Свое возвращение на престол Юстиниан ознаменовал жестокими репрессиями и ря-

дом карательных военных экспедиций против населения Таврики и главного ее города Херсона, жители которого во время событий 695 г. проявили себя противниками императора. В это время и раскрылась роль Таманского плацдарма. Таврика, включая Херсон, была оккупирована хазарами. Вместе с хазарскими отрядами или под их защитой на территорию Таврики начали передвижение оседавшие с середины VII в. в низовьях Кубани булгары, вслед за ними двинулись и их ближайшие соседи сагины-сугды. Подтверждением последнему служит факт появления в начале VIII в. на территории Таврики поселения, получившего у греков наименование Сугдея (современный Судак).<sup>42</sup> Церковная организация Сугдеи, согласно епархиальным спискам Константинопольского патриархата VIII—XI вв., сохраняла свою связь с адыгской Зихской епархией. Показательно также, что с VIII в. в епархиальных списках начинают называться Зихскими (Зихийскими) и более древние кафедры Херсона и Боспора.<sup>43</sup>

Переселение отдельных групп адыгов вместе с булгарами в Таврику свидетельствует о том, что в начале VIII в. адыгские конфедерации оказались, подобно другим объединениям северокавказских предгорий, включенными в сферу государственной политики каганата. Сближение коренных обществ Северного Кавказа с каганатом было прямым следствием активизации арабов в Закавказье. В это время от разрозненных набегов на горные селения арабы перешли к методическому их покорению, захвату перевалов и организации крупных рейдов на север Кавказа и в предкавказские степи. Особенно пострадали от арабских вторжений Дагестан и восточные области Страны овсов (Алании). Однако арабы проходили и через перевалы, находящиеся в верховье Кубани, разоряя таким образом земли западных овсов, соседних с адыгами.<sup>44</sup>

В 735 г. арабы совершили глубокий рейд в направлении Поволжья, в результате которого хазары потерпели сокрушительное поражение, а вслед за этим арабы сделали попытку нанести еще один удар Хазарии — со стороны Черноморского побережья. Арабские войска разграбили землю абасгов и дошли до крепости Бичвинта (современная Пицунда). Спасаясь от них, правитель Абасгии Леон I бежал на север к овсам, а стремившиеся найти у него приют и защиту картлийские цари Арчил и Мир затворились в крепости Анакопия (современный Новый Афон), которую арабы подвергли длительной осаде.<sup>45</sup> Вряд ли можно сомневаться в том, что под натиском арабских войск, которые возглавлял один из самых известных полководцев халифата (впоследствии халиф Мерван Ибн-Мухаммед, прозванный грузинами за свою жестокость «Кру», т.е. «Глухой»), абасги, отступая на север, укрывались в горах, заселенных не только овсами, но и адыгами, а также в том, что западнокавказские горцы, соседи абасгов, участвовали в дальнейшем в изгнании арабских войск из Абасгии.

Последовательность двух крупных арабских вторжений, направленных в сторону основного политического центра Хазарии в Поволжье и в сторону военно-политического оплота Хазарии в Причерноморье — таманского плацдарма, не была случайной. Этим вторжениям предшествовало установление тройственного союза — Византии, Хазарии и Абасгии, нацеленного против халифата и скре-

пленного династическими браками. Арабы попытались разорвать этот союз, в первую очередь сокрушив его наиболее слабые звенья — Хазарию и Абасгию. Однако они просчитались: поражение Хазарии и Абасгии было временным. К середине столетия и Хазария, и Абасгия восстановили свой экономический и политический потенциал. В 763 г. хазары напали на земли Восточного Закавказья, а абасги к этому времени сумели полностью сбросить арабское иго и укрепить свои давние связи с южными соседями — апсилами.

С 70-х годов VIII в. в политике Хазарского каганата наступает резкий перелом. Каганат все более активно начинает продвигаться на север — в Подонье и Поволжье.<sup>46</sup> Горные области Северного Кавказа, в ходе арабо-хазарской войны связанные себя с каганатом, теперь становятся его вассальными территориями и начинают выплату хазарам регламентированной дани. Для удержания в повиновении этих областей хазары сооружают в горах крепости, в которых ставят преданные им гарнизоны из степняков — болгар. Одна из таких крепостей была возведена на Верхней Кубани в районе современного города Карачаевска (Хумаринское городище).<sup>47</sup> Эти крепости должны были контролировать перевалы в Закавказье и одновременно поддерживать власть каганата над горными общностями. Возводили их, несомненно, местные жители, которых хазарские чиновники сгоняли для ломки камня и производства строительных работ.

Развиваясь в окружении участников военно-политического союза Византия — Хазария — Абасгия, адыги не могли остаться вне воздействия тех внутренних процессов, которые они переживали, и в стороне от тех внешнеполитических акций, которые ими предпринимались. При этом наибольшее влияние на адыгские общности должны были оказать изменение политики Хазарского каганата на Кавказе и объединение абасгов и апсильов в одно политическое целое — Абхазское царство.<sup>48</sup> Значение этих двух факторов выявляется особенно рельефно, если учесть, что они были взаимосвязаны. Установление единой политической власти в Абхазии произошло благодаря помощи хазар, которые оказали поддержку правителю абасгов Леону II, а образование Абхазского царства закрыло каганату последние пути для грабительских походов в Закавказье и заставило их не только усилить эксплуатацию вассальных областей Северного Кавказа, но и начать широкую экспансию на север и северо-запад, в сторону поволжских народов и славян.

На фоне истории образования раннесредневековых государств у соседних с адыгами общностей (у хазар, абасгов, овсов), которая восстанавливается на основании письменных свидетельств, вполне достоверными представляются устные предания адыгов об истории возникновения их собственной государственности. Несмотря на то, что эти предания дошли до нас в большинстве своем в литературной обработке, которая была предпринята в XVII—XVIII вв. с целью связать генеалогию адыгских аристократических родов с историей арабского мира и общей историей ислама, в них сохранился целый ряд известий, заслуживающих пристального внимания как отражение реальных ситуаций вполне определенной эпохи. Героем этих преданий неизменно выступает правитель страны адыгов Инал (пши Инал, Инал-мурза, Инал-теген), считающийся прямым предком

всех княжеских династий Адыгеи и Кабарды.

Инал, согласно преданиям, принадлежал к пятому поколению одного местного аристократического рода, захватившего в свои руки власть над приморской группой адыгов, входивших в Сагинскую конфедерацию, т.е. над собственно сагинами (шегаками), населявшими левобережье Кубанской дельты. Имя Инал имеет тюркское происхождение и означает социальный статус (титул) его носителя. Иналом тюрки VI—VIII вв. называли человека знатного происхождения; лицо, облеченное особым доверием правителя; сына женщины из ханского рода

и человека более низкого по сравнению с нею социального положения.<sup>50</sup> В «родословных» князей Черкасских, составленных в Москве в XVII в., Инал упоминается под другим именем — Акабга, которое может быть истолковано как другой тюркский титул — «ак-ябгу», т.е. западный правитель или наместник (в географической номенклатуре тюркских народов слово «ак», т.е. белый, используется для обозначения запада).<sup>51</sup>

Принимая во внимание то, что в преданиях об Инале не только не говорится о его борьбе с хазарами, а, напротив, содержится прямой намек на то, что в годы его долгого правления набеги адыгов «на хазар и Таматаракану» (т.е. Тамтаракай, Тумен-тархан) были прекращены,<sup>52</sup> с большой долей вероятности можно предположить, что Инал был автономным адыгским правителем, признававшим свою зависимость от каганата и, возможно, даже связанным родственными отношениями с домом кагана. Система зависимости, установленная каганатом, не предусматривала ликвидации сложившихся на вассальных территориях традиционных форм правления. Местная аристократия — зарождавшееся сословие феодалов — включалась в состав хазарской сословной иерархии и наделялась соответствующими тюркскими титулами и правами. Так было в стране овсов, так было в Дагестане, так, очевидно, было и на западе каганата — в земле адыгов.<sup>53</sup>

Опираясь на свою связь с каганатом и используя верные ему дружины шегаков, Инал, как можно полагать, начал борьбу за объединение адыгских племен и общин. В этой борьбе он нашел поддержку части протоабазинских родоплеменных группировок, очевидно, влившихся в состав адыгских конфедераций в период арабского вторжения в Абасгию. Первый удар он нанес по тем адыгским аристократическим родам, которые некогда были клиентами его собственного рода и входили в возглавляемую сагинами-шегаками конфедерацию, но при его слабом отце отложились и начали проводить самостоятельную политику (включая набеги на соседей и территории, находившиеся под непосредственной юрисдикцией каганата), что, несомненно, вызывало ответные действия, разорявшие и ослаблявшие адыгов. Жестоко расправляясь с непокорными, не щадя ни старшин, ни рядовых общинников, Инал восстановил пошатнувшийся престиж своего рода и обеспечил адыгским группам, населявшим северные, прикубанские районы, условия относительно спокойного существования.

Следующим шагом к объединению должно было стать подчинение горных районов, где укрепились противники Инала и возникла коалиция враждебных ему общин и племен. Инал разбил выступившие против него дружины горцев и

принудил горные племена принести присягу на верность. Десять из тридцати захваченных им «главных начальников» (старшин) были казнены. Последними в объединение вошли горные общества, населявшие пограничные с Абасгией земли, среди которых были и протоабазинские группы, пытавшиеся опереться на Абхазское царство. Однако правитель Абхазии, связанный с каганатом, интересы которого формально, как вассал кагана, представлял Инал, их не поддержал. Поход Инала на юг закончился миром с Абхазией, заключенным на реке Бзыби. Усмирение горных обществ, населявших пограничные между Абхазией и державой Инала районы, несомненно, было выгодно молодому Абхазскому государству, начинавшему экспансию в южном направлении.<sup>54</sup>

Мир на Бзыби был последним политическим актом Инала. В свою резиденцию — крепость Шанжир, расположенную на южном берегу Кизильташского лимана, — он не вернулся. Смерть настигла его в верховьях Бзыби, где он и был погребен, на земле, принадлежавшей в XIX в. абхазскому обществу Псху.<sup>55</sup> В памяти потомков он остался не только как правитель-воин, силою оружия и дипломатии объединивший разрозненные племена и общины адыгов, но и как реформатор внутренней структуры общности, мудрый законодатель. Очевидно, в качестве меры, направленной против сепаратизма отдельных ее частей, им был учрежден институт «сорока судей», игравший роль Совета страны — административно-политического органа, известного в истории и других народов Северного Кавказа.<sup>56</sup> По сообщению Ш.-Б. Ногмова, которому мы обязаны сохранением одной из наиболее подробных версий предания об Инале, этот институт продолжал функционировать до начала XV в.<sup>57</sup> Время же объединительных реформ Инала, вероятнее всего, падает на 60—80-е годы VIII в.<sup>58</sup>

Объединение всех адыгских племен и общин в составе одного политического образования имело исключительное значение для адыгской общности. Это был решительный шаг в направлении этнической консолидации адыгов и сложения раннесредневековой адыгской народности. Не случайно политическое сплочение адыгов запечатлелось в исторической памяти всех этнотерриториальных групп, говоривших на адыгских языках, и даже их соседей осетин, которые считают одного из своих героев (святых) Хетага сыном (потомком) Инала. По существу именно с этого времени за адыгской общностью утверждается общий этноним, которым обозначаются все адыги вне зависимости от их территориального положения. Для хазар и народов Востока это этноним восточной конфедерации — «касаг» (в позднейшем русском варианте — «касоги»), для Византии и стран Запада этноним причерноморской конфедерации — «зихи», для народов Закавказья в равной степени оба этнонима: «касаг» в форме «кашаг», проникший через сванов и овсов, и «джик» («джики»), усвоенный через абасгов и апсиллов. Появление общего этнонима свидетельствует о возникновении общего этнического самосознания, упрочении внутренних этнокультурных связей и о начале распространения внутри общности одного языка-диалекта, выступающего в качестве языка-посредника в межплеменном и межтерриториальном общении.



В связи с этим нельзя пройти мимо свидетельства жития Константина (Кирилла) Философа, где среди народов, имеющих свою письменность — «книги и богослужение на своем языке», рядом с иверами (грузинами) и авасгами (абхазами) названы сугды.<sup>59</sup> Появление этого свидетельства в тексте жития вряд ли можно считать случайностью. Около 860 г. Константин сам побывал в Хазарии, и его путь из Херсона в ставку кагана шел через Керченский пролив и низовья Дона, а обратно в Херсон — через Тамань и Боспор. Константин, создавший позднее славянскую азбуку, несомненно, во время своих странствий проявлял интерес к языкам встречавшихся ему на пути народов и к распространению грамотности в тех городах и странах, которые он посещал. Упоминание письменности на языке сугдов может указывать, во-первых, на то, что в течение VIII—IX вв. диалект именно этой этнотерриториальной группы адыгов, благодаря ее близости к хазарско-византийским культурным центрам Тамани и Таврики, получил наибольшее распространение внутри адыгской общности, и, во-вторых, о том, что зихская церковь не осталась в стороне от объединительной деятельности Инала и путем создания собственной адыгской письменности попыталась внести свой вклад в укрепление ее единства.

Период политического объединения адыгской общности был недолгим. Согласно преданиям, сразу же после смерти Инала начались восстания покоренных им племен и общин, которые не хотели мириться с главенством сагинов-шегаков. Сыновья Инала после смерти отца не сумели сплотиться, и попытка Инала возвести в закон передачу власти над объединением от отца старшему сыну потерпела крах. Связанные через обычай аталычества с различными территориальными группами, а, возможно, получив их еще при жизни отца в ленное владение, сыновья Инала разделились. Один из них, вероятно старший, остался на родовых землях в низовьях Кубани, а другие возглавили племенные группировки, населявшие равнинную часть Закубанья. Горцы восстановили свою древнюю независимость, а обитатели южных районов побережья, в том числе коренной территории зихов, присоединились к Абхазии. В относящемся к 30-м годам IX в. источнике, который, составляя свое сочинение «Об управлении империей», при описании северо-восточного Причерноморья использовал Константин Багрянородный, старый церковный центр зихов Никопсис упомянут как пограничная между Абхазией (в тексте — Авасгией) и Зихией крепость.<sup>60</sup> О включении побережья вплоть до Никопсиса в состав Абхазии имеется также свидетельство и в своде грузинских летописей.<sup>61</sup> Произошло это, вероятнее всего, на рубеже 80—90-х годов VIII в. Во всяком случае в списке епископских кафедр Константинопольского патриархата, составленном в самом конце VIII или начале IX в., Никопсис назван центром Авасгийской епархии, так же как и старый епархиальный центр абасгов Себастополис (современный Сухуми). Зихская епархия, согласно этому документу, не исчезла, но зихскими в нем именуется крымские епископии — Боспора, Сугдеи и Херсона, на которые патриархатом, видимо, возлагались какие-то обязанности в отношении адыгов-христиан, не признававших зависимость от Абхазии.<sup>62</sup>

Говоря в своем сочинении о земле адыгов (зихов), Константин Багрянородный называет в ней три самостоятельных области, расположенных в ее северной части: собственно Зихию, Папагию и Касахию.<sup>63</sup> Зихия, по его представлениям, занимает побережье от южного рукава Кубани до Никопсиса, Папагия лежит восточнее нее, вероятно, в междуречье Абина и Афипса (или Псекупса), а Касахия — еще восточнее и простирается до отделяющих ее от Алании гор. Эти области можно сопоставить с теми этнополитическими образованиями, которые возникли в Закубанье после крушения державы Инала. Показательно, что Зихией Константин считает коренную территорию расселения приморской группы сагинов-шегаков и земли их южных соседей, а не собственно территорию зихов, лежавшую, как известно, южнее Никопсиса. Папагией он называет область родственных сагинам-шегакам «верхних сугдов», по-видимому, отделившихся от своих сородичей. О Касахии из его повествования узнать ничего нового не удастся, но сам факт отсутствия дополнительных сведений о ней может служить признаком определенной стабильности этой части адыгской общности в отличие от ее западной и северо-западной частей. Как можно думать на основании народных преданий, ослабление старшей ветви династии Инала, что, в частности, выразилось в расколе даже Сагинской конфедерации, из которой она вышла, привело в конечном итоге к усилению конфедерации касогов. Согласно преданиям, именно у касожской ветви потомков Инала в течение столетий сохранялся титул верховного главы адыгской общности «князь из князей», которым владел род князей Болотоковых, сосредоточивший в своих руках власть над этнотерриториальной группой «кемиргой» (темиргоевцы), в XIX в. населявшей бассейны рек Лабы и Белой.<sup>64</sup>

Помимо основной причины, приведшей к распаду политического объединения адыгов, — недостаточной степени развития внутри адыгской общности социально-экономических условий для консолидации, — существовали также другие причины, из которых важнейшей, безусловно, было противодействие адыгских племен и общин расширению экспансии Хазарского каганата. Действуя как орудие каганата и опираясь на его поддержку, Инал на время сумел потушить огонь сопротивления, но как только единая политическая власть ослабела, он вспыхнул с новой силой. Адыгские племена и общины, естественно, не хотели мириться ни с хазарской данью, которая была наиболее ощутимой формой зависимости от каганата вассальных по отношению к нему народов, ни с захватом кочевниками, вошедшими в состав каганата, степных и горных пастбищ, которые традиционно использовались самими адыгами, ни с установлением хазарского контроля над перевальными путями, проходившими через их земли. После распада державы Инала мирные отношения с хазарами сменяются непрерывной цепью войн и столкновений. Согласно происходящему из Константинополя свидетельству, относящемуся к началу 60-х годов X в., зихи (в тексте «зибус») являлись одним из народов, который считался постоянно враждебным хазарам.<sup>65</sup>

В народной памяти адыгов сохранилось предание об одной из адыго-хазарских войн. Несмотря на его многослойность и характерные для народной памяти ана-

хронизмы, неизбежные в источнике такого рода, оно в целом отражает вполне реальную ситуацию, которая могла иметь место в конце IX или в начале X в. Героем этого предания выступает потомок Инала кемиргойский князь Безруко Болотоков. Ему приписываются два похода против Хазарии и взятие Тамтаракая. Поводом, заставившим Безруко вступить в борьбу с каганатом, как следует из предания, был голод, охвативший страну адыгов вследствие поразившего ее неурожая.<sup>66</sup> Совершенно естественно, что в условиях неурожая дань, которую адыги должны были выплачивать хазарам, становилась непосильным бременем, и попытки хазар получить ее могли породить не только сопротивление чиновникам, собиравшим дань, но и войну за полное освобождение.

Одними из союзников кемиргойского князя в предании названы ближайшие соседи кемиргоевцев овсы-аланы (в тексте «опсы»). Предание говорит, что овсы были приглашены адыгами на помощь, когда в Прикубанье в самый разгар адыго-хазарского конфликта вторгся «татарский хан с многочисленным войском».<sup>67</sup>

Русские былины дают ключ к расшифровке этого анахронизма (в них татарами обычно именуются печенеги, забытые за столетия татарского ига). Реальность проникновения печенегов на Северный Кавказ и их столкновений с адыгами и овсами-аланами не подлежит сомнению.<sup>68</sup> Вполне достоверными представляются и совместные действия адыгов и овсов против каганата, основанные на союзе, возникшем в момент появления угрозы печенежского вторжения в самом

конце 80-х годов IX в. Согласно преданию, адыги и овсы совершили глубокий рейд на север и дошли до Саркела (в тексте «Саркалы»), хазарской крепости, находившейся в районе современного Цымлянского моря. Косвенным подтверждением возможности такого рейда служит свидетельство Константина Багрянородного, который указывал на то, что в период обострения отношений между Аланией и каганатом аланы могут перекрывать хазарам пути, ведущие в Подонье и Таврику (Крым) и нападать на двигавшиеся по степи хазарские отряды.<sup>69</sup>

То, что Константин называет врагами хазар на Северном Кавказе только алан и не упоминает адыгов, вполне объяснимо. Алания, превратившаяся на рубеже IX—X вв. в сильное политическое образование и ставшая главным соперником Хазарии на юге, была в центре забот византийской дипломатии и к ней было приковано ее внимание. Не сумевшие сохранить свое единство адыги не казались византийским политикам серьезным противником каганату, и поэтому их совместные с аланами выступления против хазар в Константинополе могли приписывать одним аланам.

Молчание византийских источников о совместных действиях адыгов и алан против каганата могли иметь и еще одну причину. В Константинополе было хорошо известно, что адыго-аланские отношения не всегда носили дружественный характер. Усиление политического могущества Алании сопровождалось расширением ее границ и вторжениями аланских дружин на соседние территории. О таких вторжениях алан в земли адыгов одновременно в середине X в. сообщают Константин Багрянородный<sup>70</sup> и ал-Масуди.<sup>71</sup> Они оба говорят о том, что во время аланских вторжений адыги вынуждены спасаться в труднодоступных местах

побережья, где у них существуют укрепления, и на островах Кубанской дельты. Нельзя исключить, что набеги алан на земли адыгов, которые имели в виду Константин Багрянородный и ал-Масуди, могли быть инспирированы хазарами, сумевшими в 932 г. не только нанести крупное поражение аланам, но и вернуть их в лоно своей политической системы.<sup>72</sup> Последнее представляется тем более вероятным, если мы вспомним о той исключительной роли в экономической и политической жизни Хазарского каганата, которую играли Керченский пролив и Кубанская дельта, особенно в последние десятилетия его существования, а также о том, что по мере своего внутреннего экономического и социального развития и западные, и восточные группы адыгов должны были все более активно стремиться к восстановлению над этим районом своего собственного господства и, таким образом, к утверждению своего собственного контроля над проходившей через него межконтинентальной торговой артерией. Именно к этому времени, по-видимому, следует относить появление на территории дельты и на берегах пролива выходцев из различных адыгских общин, которые селились по соседству или чересполосно с хазаро-булгарами, носителями салтово-маяцкой археологической культуры, что впоследствии привело к образованию здесь обособленной этнографической группы адыгов, получившей тюркское наименование «адале» («адалер»), т.е. обитатели устья реки или островитяне.<sup>73</sup>

Говоря о столкновениях адыгов и алан и о поражениях, которые терпят адыги, ал-Масуди прямо называет причину этого. Она, по его словам, заключается в том, что адыги, в отличие от алан, разобщены, что «они не допускают назначить над собой царя, который объединял бы их слова», т.е. «объединял их вместе», как поясняет переводчик. В противном случае, пишет ал-Масуди, «ни аланы, ни какой-либо (другой) народ не мог бы выжить (не потонуть)» под их натиском.<sup>74</sup>

О политической разобщенности адыгов, существовавшей еще на рубеже 40—50-х годов X в., свидетельствуют также и те данные о них, которые отложились в сочинении Константина Багрянородного, написанном в 50-е годы. Однако в 60-е годы X в. тенденция к консолидации адыгской общности, по-видимому, стала проявляться с новой силой. Не затихавшая в течение десятилетий борьба с каганатом и постоянная опасность вторжений со стороны Алании и Абхазии, причем Абхазия так же, как и Страна адыгов, периодически испытывала политическое давление Алании,<sup>75</sup> прямо вели к осознанию необходимости нового сплочения всех адыгских групп и возрождения политического единства, начала которого были заложены в эпоху Инала во второй половине VIII в.

Непосредственным толчком к возникновению нового объединения адыгов, как можно думать, послужило падение Хазарского каганата, что повлекло за собой резкое изменение всей системы экономических, социальных и политических отношений, установившихся на Северном Кавказе и в Причерноморье за три столетия его существования.

Единственным источником, дающим представление о новом политическом объединении адыгов, является включенный в «Повесть временных лет» под 1022 г. рассказ о войне, которую вел с адыгами (в тексте «касогами») внук Святослава

Мстислав.<sup>76</sup> Как следует из этого рассказа, русскому князю и его дружине противостояло адыгское войско, сформированное из отрядов, представлявших различные территориальные группы и племена. Во главе его стоял не временный предводитель-военачальник, облеченный верховной властью только на период войны, а сосредоточивший в своих руках всю полноту политического, административного и военного управления соверен, персону которого была сакрализована. От его единоличного решения зависели стратегия войны и судьба подвластных ему племен и общин. Возглавляя объединение в целом, он одновременно представлял в нем одну из его частей, с которой не порывал тесных связей. Летопись называет эту часть вполне определенно — «земля его». В этой «земле» находилась его личная собственность («все именье его», по словам летописца) и в нее уходили его родовые корни, там была расположена его резиденция и жила его семья. Вместе с тем его особое положение внутри общности уже было закреплено и особым титулом, под которым он был известен вступающим с адыгами в контакты народам, и особыми административно-экономическими отношениями с неродственными ему прямо частями объединения. Русские называли его «князь касожский», что равноценно титулу, который позднее византийцы давали правителю Тмуроканя — «архонт Зихии».<sup>77</sup> Племена и общины, вошедшие в объединение, он уже рассматривал как образования, неотделимые от его собственной «земли», обязанные выплачивать ему подать (в летописи «дань») и выставлять по его требованию необходимые ему воинские контингенты. После его гибели в ритуальном поединке с Мстиславом все эти права перешли к русскому князю, а затем к его наследникам, русским князьям из династии Рюриковичей. Последнее является важнейшим свидетельством того, что к началу XI в. соверенные права главы адыгской общности уже полностью конституировались и стали обычными социальными нормами, иными словами, что адыги к этому времени уже не только вступили на путь формирования собственного государства, но и прошли значительный отрезок этого пути.

## Примечания

1. *Лавров Л.И.* Адыги в раннем средневековье // Сб. статей по истории Кабарды. Вып. IV. Нальчик, 1955. С. 19—64.
2. См., напр.: *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971; *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996; *Бетров Р.Ж.* 1) Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; 2) Адыги. Истоки этноса. Нальчик, 1992; 3) Этническая история адыгов. Нальчик, 1996; 4) Этапы этнической истории адыгов // *Эльбрус* (Нальчик). 1999. № 2 (11). С. 135—158.
3. См., напр.: *Очерки истории Адыгеи.* Майкоп, 1957; *Очерки истории Карачаево-Черкессии.* Т. I. Ставрополь, 1967; *История Кабардино-Балкарской АССР.* Т. I. Нальчик, 1967; *Кубань с древнейших времен до 1920 г.* Краснодар, 1996.
4. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский (Сер. История народов Северного Кавказа / Отв. ред. А.Н. Нарочницкий). М., 1988.
5. Характеристика поселений, жилищ и хозяйственных построек адыгов дается на основании собственных исследований автора на территории Краснодарского края, а также на основании материалов, опубликованных в нижеприведенных трудах: *Деопик В.Б.* Адыгские племена // *Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв.* / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1958. С. 633—642; *Алексеева Е.П.* 1) Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // *Труды Карачаево-Черкесского НИИ.* Вып. IV. Ставрополь, 1964. С. 146—252; 2) Погребальный обряд материальная культура раннесредневековых адыгских племен // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.* Т. III. Орджоникидзе. 1975. С. 41—49; 3) *Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии.* С. 174—196; *Ан-*

- фимов Н.В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М., 1980. С. 92—113; *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности. Западное Закавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1980. С. 90—93; *Монгайт А.Л.* Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // Советская археология. 1955. Вып. XXIII. С. 321—340; *Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 232—237; *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Вып. 2. София, 1981. С. 9—19; *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1968. Вып. 3. № 14. С. 55—56. — Кроме того, использованы следующие архивные материалы: *Рыбаков Б.А.* Отчеты о работах Таманской археологической экспедиции Института археологии АН СССР (1952—1955 гг.) — Архив ОПИ ИА АН СССР. Р. I. Д. 918, 919, 1051, 1052, 1417, 1418; *Носкова Л.М.* 1) Отчет о работе Псекупского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока за 1982 г. М., 1983 // Архив ОПИ ИА АН СССР. Р. I. Д. 8969—8969а; 2) Отчет о раскопках Ново-Вочепшиевского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1983 г. М., 1984 // Там же. Р. I. Д. 9369—9369а; 3) Отчет о раскопках Ново-Вочепшиевского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1984 г. М., 1985 // Там же. Р. I. Д. 10350—10350а.
6. О земледелии у адыгов периода раннего средневековья см.: *Лавров Л.И.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия. Т. I. М., 1952. С. 179—225; *Анфимов Н.В.* Зихские памятники... С. 104, рис. 11(2); *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 54, рис. 2 (14, 16).
7. *Мас'уди* о Кавказе // *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв.. М., 1963. Прил. III. С. 206; см. также: С. 206, прим. 82 (Из «Мурудж ад-Дзахаб», гл. XVII, § 18).
8. Повесть временных лет / Подготовка текста Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л., 1950. С. 99 (под 1022 г.) (далее —ПВЛ); *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 1988. С. 84—100.
9. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. Текст, пер., коммент. / Пер. Г.Г. Литаврина. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 174—177 (гл. 42).
10. *Недков Б.* България и съседните и земли през XII в. според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 101.
11. *Феофан Исповедник.* Хронография // *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 36, 38, 60, 110; *Багрянородный Константин.* Об управлении империей... С. 174—177 (гл. 42). См. также: *Брун Ф.* Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 146 и др.
12. *Кузнецов В.А.* 1) Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 86—92; 2) Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 151, карта на С. 152 (рис. 24); *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. С. 113—114.
13. *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения... С. 54. См. также: *Рыбаков Б.А.* Средневековая литейная форма из Фанагории // МИА. 1956. Вып. 57. С. 180—182.
14. *Анфимов Н.В.* Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. 1958. Вып. 49. С. 151 и сл.
15. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей... С. 272—273 (гл. 53).
16. *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 403—404; *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 84—90; *Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. II. (Разыскания А. Куника). СПб., 1903. С. 142—143; См. также *Мас'уди* о Кавказе. С. 198—201 (§8, 9: О пути через Керченский пролив); *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. X.). СПб., 1870. С. 249—255 (приводится текст и комментарии о пути русов через Керченский пролив Ибн ал-Факиха, текст которого позднее был вновь переведен А. Куником).
17. См.: *Керамика и стекло древней Тмутаракани* / Отв. ред. Б.А. Рыбаков М., 1963.
18. Худуд ал-алам. Рукопись А. Ту майского / Пер., введение, указатели В.В. Бартольда. Л., 1930. С. 31.
19. *Иерусалимская А.А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.
20. *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения... С. 53, 56; *Сокольский Н.И.* Ильичевское городище // Советская археология. 1966. № 4. С. 125—141.
21. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. нашей эры. М., 1967. С. 47—54.
22. *Голенко К.В.* Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // Византийский временник. 1961. Вып. XVIII. С. 216—225; *Кропоткин В.В.* 1) Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1963. С. 175—185; 2) Экономические связи Восточной Европы... С. 53—54.
23. *Лавров Л.И.* 1) Адыги в раннем средневековье. С. 31—32; 2) Зарождение и становление феодальных отношений у адыгов (IV—XII вв.) // История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. Нальчик, 1967. С. 62—71.
24. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей... С. 272—273 (гл. 53); *Лавров Л.И.* Адыги в раннем средневековье. С. 32.
25. Материалы могильников см.: *Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. Пг., 1914. С. 75—219; *Спицын А.А.* Могильники VI—VII вв. в Черноморской об-

- ласти // Известия Археологической комиссии. Т. 25. СПб., 1907. С. 188—192; *Покровский М.В.* Пашковский могильник № 1 // Советская археология. Вып. I. М., 1936. С. 159—170; *Анфимов П.В.* 1) Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.; Л., 1941. С. 214—219; 2) Зихские памятники...; *Смирнов К.Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 151—160; *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения...; *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности. Западное Предкавказье. С. 90—93; *Тарабанов В.А.* Средневековый могильник у аула Казазово // Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография: традиции и современность. Вып. 2. Л., 1983. С. 148—155; *Носкова Л.М.* Средневековые погребения Ново-Вочепшиевского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 42—45; *Пьянков А.В.* Новый средневековый могильник у а. Казазово // Там же. С. 46—51. — Материалы могильников Северо-Западного Кавказа, в том числе полученные в течение последнего десятилетия, обобщены в диссертации Ф.К. Джигуновой (*Джигунова Ф.К.* Западное Предкавказье в IV—IX вв.: Автореф. канд. дис. СПб., 2000).
26. См.: *Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе...; *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения...; *Иерусалимская А.А.* «Великий шелковый путь»...; *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности. Западное Предкавказье. С. 90—93 (на с. 93 В.Б. Ковалевская также отмечает социально-экономический сдвиг в сторону дифференциации общества).
27. *Мас'уди* о Кавказе. С. 206.
28. *Лавров Л.И.* Адыги в раннем средневековье... С. 35—39; *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 72—82; *Анфимов Н.В.* Зихские памятники... С. 110—112. — Важнейшим источником для локализации отдельных этнических общностей и процесса их консолидации в I—V вв. н.э. является сочинение «Безымянного автора» (Псевдо-Арриана), которое было составлено в самом начале VI в. (Безымянный автор. *Объезд Эвксинского Понта // Известия древних писателей латинских и греческих о Скифии и Кавказе / Пер. В.В. Латышева и Э.Н. Штерна; Собрал и издал В.В. Латышев. Т. I. Вып. 1. СПб., 1890. (Греческие писатели). С. 271—288).* — В районе между современными Анапой и Геленджиком «от Синдской гавани до гавани Пагры» в этом сочинении указана этническая общность «эвдусиане», которую большинство исследователей считает одним из ответвлений германской общности готов — готами-тетракситами (см.: *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1 // ИГАИМК. 1921. Т. I. С. 69). Последним эту точку зрения поддержал А.В. Дмитриев, отождествлявший с готами общность, оставившую могильник Дюрсо (нижний горизонт), находящийся в районе Новороссийска (*Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения... С. 56). Анализ греческого текста Псевдо-Арриана, на наш взгляд, не дает оснований для утверждения о том, что эвдусиане были готами. Вероятнее всего, это была одна из протоадыгских групп, подобная ахеям, приморской общности, инкорпорированной зихами. Этноним «эвдусиане» предоставляет местный, вероятнее всего, адыгский термин, искаженный автором, писавшим по-гречески.
29. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950. С. 379 (кн. IV (VIII) 2, 16), 383—384 (кн. IV (VIII) 4, 3, 5, 7); *Гадло А.В.* 1) К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1984. С. 70—72; 2) История адыгского племени шегаков и вопрос о начальном этапе формирования адыгской народности // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг.: Тез. докл. Ч. 2. Черновцы, 1984. С. 65—66.
30. *Гадло А.В.* Об одном средневековом наименовании адыгов // Кратк. содерж. докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Апр. 1985 г. / Под ред. В.П. Курылева. Л., 1986. С. 10—11.
31. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 76—86, 106—126.
32. *Епифаний.* Хожение апостола Андрея в стране мирмидонян // *Васильевский В.Г.* Труды. Т.Н. Вып. 1. СПб., 1909. С. 275. — Следует отметить, что высказанное в монографии «Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.» (Л., 1979. С. 75) предположение о тождестве касогов и сагинов-сугдов в дальнейшем было нами снято: см.: *Гадло А.В.* Об одном средневековом наименовании адыгов.
33. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа... С. 97—100; См. также: *Гадло А.В.* Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2. Вып. I. 1986. С. 16, 21.
34. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. I. Описание Осетии, Дзурдзукетии и Дидозтии, Тушетии, Алании и Джикетии // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 21. — В переводе М.Г. Джанашвили — «хаскун».
35. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. С. 399—402 (кн. IV (VIII), 9).
36. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. С. 27, 51, 79 (*Феофан Исповедник.* Хронография); *Артамонов М.И.* История хазар. С. 89—92; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. С. 80—82.
37. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1991. С. 93—106.
38. *Епифаний.* Хожение апостола Андрея... С. 268, 275. — В грузинском варианте «Хожения...» о зихах говорится, что они «были жестокосердны и весьма злы делами своими, неверующи и беспастырны». — См.: *Мрвели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 33.
39. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. С. 383—384 (кн. IV (VIII), 4, 1—5).
40. *Гадло А.В.* Основные этапы и тенденции... С. 16.
41. *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. III. Киев, 1915. С. 285—290, 297—301; *Артамонов М.И.* История ха-

- зар. С. 196—201.
42. *Гадло А.В.* К этнической истории адыгских племенных объединений. С. 72.
43. См.: *Васильевский В.Г.* Житие Стефана Сурожского // *Васильевский В.Г. Труды.* Т. III. Пг., 1915. — Впервые епископии Херсона, Боспора и Сугдеи названы зихскими в так называемых «нотациях К. де Боора» (см.: *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 94—98).
44. История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1861. С. 261. — Автор упоминает о двух походах через Абхазию на Северный Кавказ.
45. *Сабинин М.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви. Ч. 3. СПб., 1873. С. 75; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа... С. 196—197.
46. *Гадло А.В.* Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII—X вв. // *Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография.* Вып. 3. Л., 1985. С. 70—79.
47. *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
48. *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 92.
49. *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // *Из истории феодальной России.* Л., 1978. С. 25—33.
50. Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 209, 547.
51. *Гадло А.В.* 1) Князь Инал...; 2) История адыгского племени шегаков...
52. *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа / Вступ. ст. и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1982. С. 76.
53. См.: *Гадло А.В.* Основные этапы и тенденции...
54. *Ногмов Ш.-Б.* История... С. 76—78.—О событиях в Абхазии см.: Магиане Картлиса (Летопись Картли) / Пер., введение, прим. М.Д. Лордкипанидзе / Под ред. З. В. Анчабадзе. Тбилиси, 1976. С. 78; *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии... С. 100.
55. *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960. С. 121.
56. *Саидов И.М.* Мехк кхел (совет страны) у нахов в прошлом // *Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии.* Т. 2. Тбилиси, 1968.
57. *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа. С. 77.
58. Подробный разбор вопроса о преобразовании Инала в Стране адыгов дан в тексте диссертации А.В. Гадло (*Гадло А.В.* Северный Кавказ в IV—X вв. (проблемы этнической истории): Докт. дис. М.; Л., 1984. Рукопись. С. 310—314 (Архив ин-та этнографии АН СССР)).
59. *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // *Труды славянской комиссии АН СССР.* Т. I. Л., 1930. С. 30.
60. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. С. 174—177 (гл. 42).
61. *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. С. 33. — Интерполированный в текст фрагмент грузинской версии «Хождения апостола Андрея...», написанного Епифанием.
62. Стремление империи сохранить таким образом свою агентуру на адыгской территории вполне объяснимо. Согласно хронике «Магиане Картлиса» (С. 78), правитель Абхазии Леон II (70—80-е годы VIII в.) «отложился от греков» и, как свидетельствует «житие» Арчила II (*Инал-ипа Ш.Д.* Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. С. 122.) всерьез претендовал на расширение своих владений не только в сторону Эгриси, к югу, но и на север, в области, вассальные по отношению к каганату.
63. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. С. 174—177. (гл. 42).
64. *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа. С. 79.
65. *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 122—123, прим. 23.
66. *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа. С. 79—82.
67. Там же. С. 80—82. — Попытка Ш.-Б. Ногмова отождествить упомянутое в предании «татарское» войско с дружинами Святослава явно неудачна. На него, несомненно, повлияло то, что в предании говорится об осаде адыгами Саркела («Саркалы»), который в 966 г. был действительно взят Святославом.
68. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // *Материалы и исследования по археологии СССР.* Вып. 62. М.; Л., 1958. С. 213; См. также: *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. С. 40—41 (гл. 6), 154—159 (гл. 36).
69. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. С. 50—53 (гл. 10—11).
70. Там же. С. 174—177 (гл. 42).
71. *Мас'уди* о Кавказе. С. 206.
72. *Артамонов М.И.* История хазар. С. 364.
73. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в.. М., 1974. С. 21—22.
74. *Мас'уди* о Кавказе. С. 206—207.
75. Там же. С. 209. — «Абхазцы... сейчас имеют своего царя, но аланский царь главенствует над ними» (Мурудж ад-Дзахаб. Гл. XVII. §22).
76. ПВЛ. С. 99 (под 1022 г.).
77. *Гадло А.В.* К истории Тмутороканского княжества в середине XI в. // *Славяно-русские древности.* Вып. I. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 192—213.